

УПЫРЬ из УРЮПИНСКА

Милана Панова

Упырь из Урюпинска

<https://litres.ru/74577629>

SelfPub; 2026

Аннотация

Граф Влад Батори, потомственный вампир, проиграл кузену в карты родовой замок. Он решил начать жизнь заново на «Дальневосточном гектаре», но перепутал адрес и оказался в Урюпинске.

От крови графа мутит с детства, денег нет. Зато есть квартирная хозяйка Зинаида Петровна, бывшая учительница биологии. Она сразу понимает, кто он такой, и берётся за его гемоглобин: гречка с печёнкой, гематоген, печёночный торт. А ещё ночная смена на станции переливания крови и суровая лаборантка Люба, которая вяжет паутинки из козьего пуха.

Но в округе кто-то начинает пить кровь у коз, и город косится на бледного квартиранта. До ярмарки козьего пуха неделя. Владу придётся поверить в силу урюпинских бабушек и сыграть главную партию в подкидного на кухне хрущёвки.

Вампирская романтика наизнанку: вместо замка - хрущёвка, вместо балов - ярмарка, вместо крови - гречка. Смешная и тёплая история о том, что дом там, где тебя кормят и ждут.

Содержание

Глава 1. Пиковая дама	4
Глава 2. Гектар	9
Глава 3. Зинаида Петровна	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Милана Панова

Упырь из Урюпинска

Глава 1. Пиковая дама

Замок Батори стоял на скале шестьсот лет и пережил турок, австрийцев, два землетрясения и один визит румынской налоговой. Пережить кузена Ласло он не смог.

В ту ночь в каминном зале горели сорок свечей, и все сорок коптели. Электричество в замке отключили ещё в девяносто восьмом за неуплату, и с тех пор граф Влад Батори, потомственный вампир в четырнадцатом колене, освещал своё родовое гнездо исключительно воском. Воск тоже стоил денег. Денег не было.

— Твой ход, кузен, — сказал Ласло и улыбнулся так, что клыки блеснули в полумраке.

Ласло всегда улыбался клыками. Влад считал это вульгарным. Приличный вампир показывает клыки только по делу, а не чтобы похвастаться виниром из Будапешта.

На зелёном сукне лежали карты. Играли в баккара — по старинке, как играли их деды при дворе Матьяша Корвина. Перед Ласло высилась горка фишек. Перед Владом лежали: семейный перстень с рубином, закладная на виноградник, который засох при Чаушеску, и тишина.

— Мне нечего ставить, — сказал Влад.

— Как это нечего? — Ласло обвёл зал длинным пальцем.

— А это всё?

Влад посмотрел вокруг. Гобелены, побитые молю до состояния кружева. Портреты предков, каждый из которых смотрел с неодобрением. Доспехи прапрадеда Ференца, внутри которых последние сорок лет жила семья сов. Потолок, который протекал так художественно, что под ним стояли тазы разных калибров и в дождь получалась музыка.

— Замок? — тихо спросил Влад.

— Замок, — кивнул Ласло. — Против всего, что на столе. Одна сдача. По-родственному.

Совы в доспехах ухнули. Это могло быть предостережением, а могло быть просто ужином.

Влад Батори был вампиром неправильным. Это знали все: и родня, и соседи по долине, и даже местный священник, который давно перестал вешать на дверь чеснок, потому что Влад однажды вежливо попросил у него рецепт аджики. Влад не пил кровь. Не потому, что был таким уж моралистом. Его от неё просто мутило. С детства. Мать, графиня Эржебета, водила его к лучшим специалистам Вены, и лучший специалист Вены развёл руками: «Психосоматика, ваше сиятельство. Мальчик слишком чувствительный. Попробуйте давать ему кровь в протёртом виде, с яблочком».

С яблочком тоже не пошло.

Все четыреста двенадцать лет своей жизни Влад переби-

вался чем мог. Свекольным соком. Гранатом. Томатным соком «Фруктовый сад», который ему привозили фурами из Молдавии, пока не кончились деньги. Он был бледен, худ, страдал от хронической слабости и выглядел как поэт Серебряного века, которому отказали в публикации. Дамы находили это романтичным. Сам Влад находил это анемией.

— Сдавай, — сказал он.

Ласло сдал.

Потом, спустя много месяцев и много тысяч километров, Влад будет вспоминать эту сдачу и думать: почему кузен так долго тасовал колоду под столом? Почему у кузена в рукаве шуршало? Почему пиковая дама подмигнула ему с рубашки, когда у карт, вообще-то, не бывает лиц на рубашке? Но в ту ночь он был голоден, слаб и, как всякий аристократ в четырнадцатом колене, верил в честное слово родственника.

У Ласло вышло девять. У Влада вышла пиковая дама, десятка и тройка. Три очка.

Совы в доспехах замолчали.

— Ну что ж, — сказал Ласло, сгребая фишки, перстень, закладную и замок одним широким движением. — Не повезло тебе, кузен. Бывает.

Он встал, подошёл к портрету прадеда Иштвана и по-хозяйски поправил раму.

— Я тут, знаешь, думаю сделать бутик-отель. «Ночь в замке вампира». Немцам понравится. Немцам всё нравится, если дорого.

— А я? — спросил Влад.

Ласло обернулся. В его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость. Или на изжогу. С вампирами разницу не всегда поймёшь.

— А ты, кузен, уезжай. Тут тебе больше делать нечего.
— Он полез во внутренний карман бархатного жилета и вытащил сложенную вчетверо бумажку. — Вот. Держи. Прощальный подарок.

Влад развернул. Это была распечатка с сайта на русском языке. Сверху — флаг, внизу — карта с огромным зелёным пятном справа.

— «Дальневосточный гектар», — прочитал Влад. Русский он знал с девятнадцатого века, когда гостил у одного тверского помещика и полгода учился у него преферансу и меланхолии. — Что это?

— Русские раздают землю. Даром. Любому, кто приедет. Гектар! Представляешь? Целый гектар, кузен. Это почти как наш внутренний двор. Построишь себе домик, будешь жить в тишине. Там ночи длинные. Тебе понравится.

— Но я же не русский.

— А кто проверяет? — Ласло пожал плечами. — Там всё через интернет. Заполнишь анкету, отправишь — и всё. Я тебе даже ноутбук оставлю. Старый, конечно, но работает. Иногда.

Влад смотрел на зелёное пятно на карте. Оно было огромным. Оно занимало пол-листа. В нём, наверное, легко было

затеряться — а именно этого ему сейчас и хотелось больше всего.

— Длинные ночи, говоришь? — переспросил он.

— Полгода ночь, — соврал Ласло, который понятия не имел, о чём говорит. — Кровь из-под снега сама течёт.

Влада передёрнуло.

На рассвете, когда солнце ещё только примерялось к зубцам главной башни, граф Влад Батори вышел из ворот своего — уже не своего — замка. С собой у него был чемодан из крокодиловой кожи 1911 года, плед, старый ноутбук с наклейкой «Pentium inside», коробка гранатового сока и распечатка с зелёным пятном.

Он обернулся один раз. В окне каминного зала Ласло уже снимал со стены портрет прадеда Иштвана и примерял на его место плакат «Wi-Fi free».

Совы вылетели из доспехов и полетели за Владом. Проводили до перевала. Дальше не полетели — у сов тоже есть границы.

Глава 2. Гектар

Анкету Влад заполнял в хостеле на окраине Будапешта, в шестиместном номере, где кроме него жили четыре австралийца и один немец, который храпел на мотив «Оды к радости». Вай-фай ловился только у окна, а у окна было солнце. Поэтому Влад сидел под одеялом, накрывшись с головой, и при свете монитора выглядел как человек, который смотрит в подушке что-то неприличное. Австралийцы так и решили. Они были очень деликатны и с тех пор с ним не разговаривали.

Сайт был на русском и полон слов, от которых у графа кружилась голова. «Госуслуги». «Подтвердите учётную запись». «Ваш запрос принят в обработку». «Ваш запрос возвращён на доработку». «Ваш запрос принят в обработку повторно». Влад, переживший инквизицию, подумал, что инквизиция была устроена гуманнее: там хотя бы сразу говорили, в чём ты виноват.

Наконец он добрался до главного поля: «Укажите населённый пункт».

В распечатке Ласло ткнул пальцем куда-то в Приморье, рядом со словом «Уссурийск». Влад начал набирать. Клавиатура у ноутбука была венгерская, русские буквы на ней не были нарисованы, и он печатал по памяти, как печатают пароль от чужого почтового ящика. Вместо «Ус» вышло «Ур».

Сайт оживился и услужливо выкинул подсказку:

«Урюпинск, Волгоградская область».

Влад посмотрел на это слово. Слово было круглое, тёплое и немного смешное. В нём было что-то от «урчать» и что-то от «упырь». Оно ему сразу понравилось. Он нажал «Выбрать», потом «Отправить», потом закрыл ноутбук и уснул под пение немца.

Утром пришло письмо: «Ваша заявка зарегистрирована». Без уточнений. Влад счёл это хорошим знаком.

Дорога заняла девять суток. Он ехал только ночью: днём прятался в багажных отделениях, в туалетах, один раз — в гробу, который везли из Варшавы в Брест какие-то театральные люди для постановки «Гамлета». Гроб был бутафорский, из фанеры, но лёг Влад в него с огромным облегчением, как в родной. Потом была Москва, где он полночи искал Павелецкий вокзал и нашёл вместо него круглосуточную шаурму. Потом был плацкорт.

Плацкорт его потряс.

Пятьдесят четыре человека в одном вагоне спали, ели, храпели, разговаривали, разворачивали варёные яйца и курицу в фольге, и всё это происходило одновременно, без единой ссоры, с каким-то древним, почти религиозным согласием. Над головой Влада висели чьи-то носки. Напротив сидела бабушка в пуховом платке и чистила ему мандарин, хотя он не просил.

— Бледный ты какой-то, сынок, — сказала бабушка. —

Худой. Ешь.

— Благодарю, мадам, я не голоден.

— Голоден, — уверенно сказала бабушка и сунула ему мандарин в руку. — У меня внук такой же был. Тоже говорил «не голоден». Сейчас в Сургуте, вахтой. Сто двадцать кило.

Влад съел мандарин. Это был первый мандарин в его жизни. Он оказался кислым, сладким и таким оранжевым, что граф, привыкший к ночной палитре, чуть не заплакал.

Станция называлась «Урюпино». Влад сошёл с поезда в половине четвёртого утра, в конце октября, в степь.

Вокруг не было тайги. Не было сопок. Не было амурских тигров, о которых он читал на сайте. Был низкий серый перрон, фонарь, в котором билась одна упрямая моль, и запах. Запах был удивительный: сухая трава, печной дымок, что-то кисловатое, животное и очень тёплое.

— Простите, — обратился Влад к единственному живому существу на перроне, женщине в оранжевом жилете, которая мела опавшие листья в сторону рельсов. — Это Дальний Восток?

Женщина опёрлась на метлу и долго его рассматривала. Пальто до пят. Чемодан из крокодила. Бледное лицо. Глаза, в которых отражалась моль.

— Это Урюпинск, — сказала она наконец. — Дальше востока у нас только Хопёр. А за Хопром — Михайловка.

Влад достал распечатку с зелёным пятном и показал ей. Женщина посмотрела на распечатку, на него, снова на рас-

печатку.

— Милок, — сказала она с огромным сочувствием, — так это ж девять тысяч километров отсюда.

В городской администрации, куда Влад пришёл ровно к открытию и занял очередь за двумя пенсионерами и мужчиной с документами на газ, его выслушала специалист второй категории Тамара Викторовна. Она проверила что-то в компьютере, потом в другом компьютере, потом позвонила в Волгоград и долго слушала музыку.

— Вы понимаете, — сказала она, кладя трубку, — система вашу заявку приняла, потому что Урюпинск есть в справочнике. А гектаров у нас по этой программе нет. Мы в программу не входим. Мы, извините, не Дальний Восток.

— А что вы? — спросил Влад.

Тамара Викторовна выпрямилась, и в её голосе зазвучала гордость:

— Мы столица российской провинции. Официально.

Она показала на стену. Там висела грамота в рамке и фотография памятника: каменная коза стояла на постаменте с таким выражением морды, будто только что услышала от горожан что-то очень личное.

— Это наша коза, — объяснила Тамара Викторовна. — Урюпинский козий пух. Слышали? Платки по всему миру. У нас каждый год ярмарка. Вы, кстати, к ярмарке как раз успеваете.

Влад вышел на крыльцо администрации. Было восемь

утра, и солнце поднималось над крышами пятиэтажек, медленно и неумолимо, как налоговый инспектор. Граф нащупал в кармане тёмные очки, надел их и поднял воротник. Денег у него оставалось сорок две тысячи форинтов, которые в Урюпинске никто не принимал, и коробка гранатового сока, которая кончилась ещё в Брянске.

На столбе у остановки, рядом с объявлениями «Куплю рога» и «Ремонт стиральных машин на дому, честно», висел тетрадный листок, исписанный крупным учительским почерком:

«Сдам комнату одинокому, непьющему, некурящему. Недорого. Можно с питанием. Спросить Зинаиду Петровну».

И ниже, другой ручкой, будто дописано позже:

«Ночным — скидка».

Влад перечитал последнюю строчку трижды. Потом оторвал корешок с телефоном и пошёл искать улицу Садовую, дом семь.

Глава 3. Зинаида Петровна

Улица Садовая, вопреки названию, садов не содержала. Она содержала четыре хрущёвки, гаражный кооператив «Луч», куст сирени, переживший перестройку, и лавочку, на которой три старушки в одинаковых пуховых платках вели наблюдение за миром с бдительностью пограничного поста.

Влад прошёл мимо лавочки. Разговор на ней прекратился, как выключенное радио.

— Не наш, — сказала первая старушка ему в спину.

— К Зинке, — сказала вторая.

— Бледный, — сказала третья. — Небось из Москвы.

Дом семь, второй этаж, дверь, обитая коричневым дерматином с золотыми гвоздиками. Влад нажал звонок. Звонок сыграл «Подмосковные вечера», не до конца, оборвавшись на слове «если б знали вы». Граф воспринял это как знак.

Дверь открыла женщина лет семидесяти пяти, маленькая, прямая, в халате с ромашками и очках на цепочке. Седые волосы были убраны в аккуратный пучок. Взгляд был такой, каким завуч смотрит на старшеклассника, у которого из рюкзака торчит сигаретная пачка.

— По объявлению? — спросила она.

— По объявлению, мадам. Граф... то есть Влад. Влад Батори.

— Зинаида Петровна, — сказала она и посторонилась.

Влад остался на коврике.

Это было не упрямство и не вежливость. Это было устройство мира. Вампир не может войти в жилище без приглашения: ноги не идут, будто порог намазан клеем. Влад стоял на коврике с надписью «Добро пожаловать» и улыбался той напряжённой светской улыбкой, которой улыбаются люди, когда у них застряла молния на брюках.

Зинаида Петровна посмотрела на его ноги. Потом на его лицо. Потом — очень внимательно — на зеркало в прихожей, висевшее у неё за спиной. В зеркале отражались вешалка, её пальто, её шапка, её ромашковый халат. И открытая дверь. И пустой коврик.

Она сняла очки, протёрла их краем халата и снова надела. Коврик в зеркале оставался пустым.

Влад приготовился к крику. К крестному знамению. К сковородке. За четыреста лет ему доставалось всем, включая однажды живую курицу, которой его отходила какая-то крестьянка в Молдове. Курица, кстати, тоже обиделась.

Зинаида Петровна вздохнула.

— Ну, заходи, раз пришёл, — сказала она. — Чего на пороге стоять. Сквозняк.

Клей с порога отпустил. Влад шагнул в прихожую.

— Обувь снимай, — сказала Зинаида Петровна. — Тапки вон, гостевые. И пальто давай. Ты что ж, в пальто через полстраны ехал? Оно у тебя молю траченное.

— Это фамильное, — обиделся Влад.

— Фамильное, а траченное, — непреклонно ответила она.
— Проходи на кухню.

Кухня была шесть квадратных метров, и в них помещалось всё. Холодильник «Саратов», который урчал, как довольный кот. Довольный кот, который урчал, как холодильник «Саратов», — рыжий, огромный, по имени Барсик. Плита. Стол с клеёнкой в мелкую вишню. Отрывной календарь за прошлый год, который никто не отрывал, потому что Зинаиде Петровне нравилась картинка на октябре. Банки. Банки были везде: на подоконнике, на шкафу, под столом. Огурцы, помидоры, лечо, кабачковая икра, что-то тёмно-красное, от вида чего Влада повело.

— Это вишнёвое варенье, — сказала Зинаида Петровна, проследив его взгляд. — Не бойся. Садись.

Барсик прыгнул с табуретки, выгнул спину, зашипел на гостя так, как шипят только на собак и налоговых инспекторов, а потом вдруг передумал, подошёл, понюхал его ботинок и улёгся на него сверху всей своей рыжей тяжестью.

— Признал, — удивилась Зинаида Петровна. — Он у меня покойного мужа только признавал. Ну, садись, садись.

Влад сел. Зинаида Петровна села напротив, сложила руки на клеёнке и посмотрела на него поверх очков.

— Значит, так, — сказала она. — Я сорок лет преподавала биологию в школе номер два. Ещё шесть лет — анатомию в медучилище. Я Гоголя читала. Я «Вия» в кинотеатре «Победа» три раза смотрела, в шестьдесят седьмом году. Я,

милый мой, всё понимаю.

— Что... понимаете? — осторожно спросил Влад.

— Что ты упырь, — просто сказала Зинаида Петровна. — В зеркале тебя нет, через порог без приглашения не идёшь, солнца боишься — очки вон в октябре нацепил. И бледный, как будто тебя в хлорке вымочили. Гемоглобин небось шестьдесят.

Влад открыл рот. Закрыл. Барсик у него на ноге замурлыкал громче.

— Вы не боитесь? — выдавил он наконец.

— Чего мне бояться? — фыркнула Зинаида Петровна. — Мне семьдесят шесть лет. У меня давление, колени и пенсия девятнадцать тысяч. Я, милочка, пережила девяностые, дефолт и три реформы ЖКХ. Ты, извини, на этом фоне не самое страшное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.